

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В.Н.Ватыль

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь

Противоречивые процессы преобразования и реформирования всей системы социальных отношений породили в нашем обществе острую потребность в создании оптимальной стратегии политических трансформаций, отвечающей вызовам времени, – видеть свою страну современным, суверенным и демократическим государством. На путях поиска подобной стратегии теоретики и политики обращаются к различным историческим источникам, в том числе и к российскому политико-идеологическому дискурсу второй половины XIX - начала XX века, где в достаточной степени представлены различные стратегии политических трансформаций.

Для того, чтобы избежать ошибок и потрясений, политической и интеллектуальной элите России того времени необходимо было ответить на ключевой вопрос, порожденный социальной драматургией новоевропейской истории – переходом от традиционного общества к современному: как избежать на этом пути социального хаоса и при этом идти к утверждению человеческой свободы и социальной справедливости? Этот основополагающий вопрос стал основой создания различных стратегий политических трансформаций. Российские ученые и идеологи исходили из того, что социальную трансформацию страны возможно осуществить при определенной организации и применении государственно-властного ресурса. В этом их убеждал как общетеоретический, так и исторический анализ взаимоотношений общества и государства.

В основе либеральной стратегии политических трансформаций находится учение о гарантированно правовом государстве как разновидности демократического типа государства. Полюса и границы взаимоотношений государства и личности становятся базисом методологического и теоретического анализа в этой стратегии. Философским системообразующим принципом гарантийного государства стал принцип автономии личности и ее безусловного значения.

На этой основе российские либеральные теоретики создали систему гарантий: а) правовое единство государства; б) принцип разделения властей; в) приоритет права во всех областях; г) гарантия прав личности. Это способствовало утверждению либерально-демократических ценностей в реальной политической действительности. Целевая установка этой системы ориентирована на ограничение государства как извне, так и изнутри. Каждая из гарантий являла собой аргументированную совокупность органически-составных частей технологии разрешения проблемы взаимоотношений личности и государства. Дуализм сущего и должного в учении о гарантийно-правовом государстве разрешался с помощью политико-правовых средств, представляющих собой «кровеносные сосуды» этого государства.

Консервативная стратегия политических трансформаций представляет тот тип политической мысли, политической идеологии в России, главным системообразующим принципом которой выступают традиция и авторитет. Консервативная

стратегия политических трансформаций включала такие элементы, как сильная государственная власть, принцип социальной иерархии и строгой дисциплины, осторожное отношение к переменам, отрицание резких скачков и революционных переворотов, признание зависимости прав и свобод граждан от обязанностей и конкретно-исторических условий, степени развития их правосознания и политической культуры. В условиях быстро меняющейся общественно-политической и экономической ситуации российским консерваторам не удалось сохранить баланс между старым и новым, хотя попытки такие предпринимались.

Тип российской пореформенной модернизации – в форме «догоняющего» капитализма, отягощенного многочисленными пережитками прошлого, – обусловил и стимулировал интерес к социалистической стратегии политических трансформаций. Ее основу составили идеи марксистского варианта социализма – формационного развития общества, быстрого и радикального преодоления отсталости, освобождения от социально-политического неравноправия, которые российские социалисты пытались применить к особенностям современной России. Анализ содержания социалистической стратегии политических трансформаций показывает, что она изначально притязала на роль системного учения и идеологии опережающего развития. Об этом свидетельствует характеристика основополагающих черт социалистического общества, а также средств и методов их воплощения.

Достижение целевых политико-программных установок как синонимов социальной устойчивости и стабильности, а также разрешение обозначенного социального конфликта той исторической эпохи возможно было при условии творческого синтеза западноевропейских образцов и российской политической традиции. В результате их освоения российскими теоретиками и идеологами были предложены модели политического прогресса применительно к историческим реалиям начала XXI века. В этом было их преимущество. Однако, разделенные межгрупповой конфронтацией, они не смогли осуществить главное – консолидировать общество на основе такой стратегии политического развития, которая позволила бы органично соединить три системообразующих начала – личность, общество и государство – в единое целое.

Объяснительные модели истории политических изменений продуктивны и в осмыслении современных политических трансформаций. Их можно использовать, в первую очередь, как полезный методологический и гносеологический инструментарий в оценке транзитологической парадигмы демократизации.

Сегодня уже совершенно очевидно (хотя этот факт еще недостаточно отрефлексирован), что политическое развитие постсоветских стран может идти по множеству разнонаправленных траекторий. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить, скажем, политические институты и политические процессы в Украине и Туркменистане, Литве и Таджикистане, Белоруссии и Эстонии и т.д.

В постсоветском пространстве складывается чрезвычайно широкий спектр политических режимов, структур распределения и воспроизводства власти, формируются разные политические системы. В одних странах завершается консолидация либеральных демократий, закрепляются демократические институты и практики, в других такие институты и практики сочетаются с недемократическими, авторитарными, в третьих формальные демократические процедуры используются в качестве фасада, за которым скрываются новые разновидности автократического правления. Различия на-

столько велики и беспрецедентны, что перед современным политологическим сообществом встает задача существенного концептуального обновления сложившихся представлений о политических изменениях и политическом развитии.

Опыт политических трансформаций «третьей волны» отчетливо продемонстрировал, что институциональная стабилизация и режимная консолидация *per se* далеко не равнозначны консолидации либеральной демократии. Более того, в подавляющей части «случаев» они означают прежде всего стабилизацию наличного властного режима, обеспечивающего устойчивое воспроизводство сложившейся системы властных отношений, функционирования и распределения власти. В свою очередь, это предполагает элиминацию оппозиции как сколько-нибудь влиятельного политического актора, а также создание и поддержание механизмов легитимации существующего режимного порядка, которые – с учетом имеющихся у власти административных и иных ресурсов – минимизируют (как бы «в пику» формуле А. Пшеворского) неопределенность результатов осуществления формальных процедур. При этом такой режим отличает относительно слабая институализация – процедуры либо нарушаются, либо оказываются фасадом «реальных» и неинституализированных властных отношений.

Поднятые проблемы режимной консолидации заставляют задуматься и о том, правы ли мы, рассуждая, в частности, о траекториях посткоммунистических трансформаций в терминах «переходности», особенно спустя полтора десятка лет после начала собственно «транзита». Куда, допустим, сегодня «переходят» Туркменистан и Белоруссия, Таджикистан и Казахстан или та же Россия? Не случайно в аналитическом лексиконе появился целый набор понятий, пытающихся отразить не «переходную», а «ставшую» природу нынешнего политического режима России, – «управляемый плюрализм» (Х. Бальзер), «электоральный» (А. Шедлер), «конкурентный» (Д. Кольер и С. Левитски) и «бюрократический» (Л. Шевцова) авторитаризм, «моноцентризм» (И. Бунин) и др.

Очевидно, что эти страны уже «перешли» туда, куда в западных условиях и с учетом конкретных обстоятельств могли «перейти». Система власти в них (при том что она недостаточно институализирована) вполне отстроена и обеспечивает достаточно стабильное самовоспроизводство; оппозиция, если не элиминирована, то не выступает в качестве влиятельного политического фактора; гражданское общество недоразвито; право функционально по отношению к самому режиму; неопределенность результатов использования демократических процедур, прежде всего электоральных, сведена к минимуму. Причем это отнюдь не означает завершения и прекращения реформ. Нет, те или иные внутрисистемные реформы могут продолжаться, но они принципиально ограничены существующими режимными рамками.

Если логика (и подтверждающая их фактура) наших рассуждений верна, применительно к результатам и итогам «третьей волны» мы имеем дело не с «переходными», а с вполне консолидированными политическими режимами нового типа, которые никак не вписываются в логику «растянутой демократизации». Просто вектор их политического развития оказался не совсем таким (а точнее совсем не таким), как предполагалось в линейной «транзитологической парадигме». Поэтому, с аналитической точки зрения, сейчас гораздо продуктивнее не рассуждать о возможностях их дальнейшего «перехода к демократии», а разобраться в особенно-

стях уже произошедших режимных изменений. Примерно об этом и говорят С. Левитски и Л. Уэй, когда предлагают «прекратить думать об этих случаях в терминах перехода к демократии и начать размышлять о специфических режимных типах, которыми они и являются». М. Оттауэй объединяет эти режимные разновидности под рубрикой «полу-авторитаризма», который он понимает как тщательно выстроенные поддерживаемые альтернативные системы, а не как неудавшиеся демократии или демократии в состоянии транзита.

В данной связи возникает серьезная проблема пределов и ресурсов институционального строительства «новых демократий». По мнению многих аналитиков, возникновение политических «гибридов» и неавторитарных режимных разновидностей было в значительной мере обусловлено слабостью институционального дизайна и недостатками конкретного институционального строительства.

Практика демократических транзитов «третьей волны» показывает, что формальная «инаугурация» демократии, т.е. провозглашение демократических институтов и процедур «электоральной демократии», отнюдь не предопределяет общий исход трансформационных процессов. Формальные электоральные процедуры зачастую представляют собой не ключевой компонент «электоральной демократии» как промежуточной фазы на пути к демократической консолидации, о чем так любят говорить оптимисты «глобальной демократизации», но совершенно иной политической феномен – а именно, трансформацию одной разновидности недемократического режима в другую, нередко завершающуюся консолидацией «новой автократии».

Основополагающая теоретико-методологическая установка «транзитологической парадигмы», трактующая современные политические трансформации как движение от авторитарного режима к консолидированной демократии, требует серьезного переосмысления. Тот факт, что транзит зачастую означает не «векторный» переход к либеральной демократии, а трансформацию недемократических режимов одного типа в не- (нео-) демократические же режимы иных разновидностей, не просто взрывает линейную логику, но ставит перед нами сложнейшую исследовательскую задачу – разработать новую концептуальную рамку режимных изменений и новую детализированную и дифференцированную типологию современных политических режимов.

ИННОВАЦИИ И ТРАДИЦИИ В СФЕРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ

С.П. Винокурова

Белорусская государственная Академия искусств, г. Минск, Беларусь

Предлагаемое размышление продиктовано желанием привлечь внимание научной общественности к проблеме устойчивых и изменчивых моментов во взаимодействии науки и культуры. Особый интерес представляет это взаимодействие в современном обществе, где оно по сути своей является инновационным, так как разворачивается в исторически уникальной ситуации, обусловленной стремительными темпами роста объема информации. Циркуляция новых потоков знания порождает парадоксальную ситуацию. Новая информация из-за своих объемов становится труднодоступной и в этом плане избыточной, вместе с тем именно в силу указанных особенностей это же знание объективно представляется недостаточ-